

Антон Чехов

Происшествие

АНТОН ЧЕХОВ
Происшествие

«Public Domain»

Чехов А. П.

Происшествие / А. П. Чехов — «Public Domain»,

«...По совести сказать, всё наше семейство до водки очень охотники. Я грамотный, в городе в табачном магазине служил шесть лет и могу поговорить со всяким образованным господином, и разные хорошие слова могу говорить, но как я читал в одной книжке, что водка есть кровь сатаны, так это доподлинно верно, сударь. От водки я потемнел с лица, и нет во мне никакой сообразности, и вот, изволите видеть, служу в ямщиках, как неграмотный мужик, как невежа...»

Антон Павлович Чехов

Происшествие

(рассказ ямщика)

Вот в этом лесочке, что за балкой, случилась, сударь, история. Мой покойный батенька, царство им небесное, везли к барину пятьсот целковых денег; тогда наши и шепелевские мужики снимали у барина землю в аренду, так батенька везли деньги за полгода. Человек они были богобоязненный, писание читали, и чтобы обсчитать кого, или обидеть, или, скажем, не ровен час, обжулить – это не дай бог, и мужики их очень обожали, и когда нужно было кого в город послать – по начальству, или с деньгами, то их посылали. Были они выделяющее из обыкновенного, но, не в обиду будь сказано, сидела в них малодушная фантазия. Любили они муху зашибить. Бывало, мимо кабака проехать нет возможности: зайдут, выпьют стаканчик – и унеси ты мое горе! Знали они за собой эту слабость и, когда общественные деньги возили, то, чтоб не заснуть или случаем не обронить, всегда брали с собой меня или сестрицу Анютку.

По совести сказать, всё наше семейство до водки очень охотники. Я грамотный, в городе в табачном магазине служил шесть лет и могу поговорить со всяким образованным господином, и разные хорошие слова могу говорить, но как я читал в одной книжке, что водка есть кровь сатаны, так это доподлинно верно, сударь. От водки я потемнел с лица, и нет во мне никакой сообразности, и вот, извольте видеть, служу в ямщиках, как неграмотный мужик, как невежа.

Так вот, рассказываю я вам, везли батенька деньги к барину, с ними Анютка ехала, а в те поры Анютке было семь годочков, не то восемь – дура душой, от земли не видать. До Каланчика проехали благополучно, тверезы были, а как доехали до Каланчика да зашли к Мойсейке в кабак, началась у них фантазия эта самая. Выпили они три стаканчика и давай похвастаться при народе:

– Человек, говорят, я небольшой, простой, а в кармане пятьсот целковых; захочу, говорят, так и кабак, и всю посуду, и Мойсейку с его жидовкой и жиденятами куплю. Всё, говорят, могу купить и выкупить.

Этаким, значит, манером пошутили, а потом этого стали жаловаться:

– Беда, говорят, православные, быть богатым человеком, купцом или вроде. Нет денег – нет и заботы, есть деньги – держись всё время за карман, чтоб злые люди не украли. Страшно жить на свете, у которого денег много.

Пьяный народ, конечно, слушал, смекал и на ус себе мотал. А тогда тут на Каланчике чугунок строили и всякой швали и босоногой команды было видимо-невидимо, словно саранчи. Батенька потом спохватились, да уж поздно было. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Едут они, сударь, лесочком, и вдруг это самое, кто-то сзади верхом скачет. Батенька были не робкого десятка, – этого нельзя сказать, но усумнились; там, в лесочке, дорога непроезжая, только сено да дрова возят, и скакать там некому и незачем, особливо в рабочую нору. За хорошим делом не поскачешь.

– Как будто погоня, – говорят батенька Анютке, – уж больно шибко скачут. В кабаке-то надо было мне молчать, типун мне на язык. Он, дочка, чует мое сердце, тут что-то недоброе!

Пораздумались они малое время насчет своего опасного положения и говорят сестрице моей Анютке:

– Дело выходит неосновательное, может, и в самом деле погоня. Как-никак, милая Аннушка, возьми-ка ты, брат, деньги, схорони их себе в подол и поди за куст, спрячься. Не ровен час, если нападут, проклятые, так ты беги к матери и отдай ей деньги, пускай она их старшине снесет. Только ты, гляди, никому на глаза не попадайся, беги где лесом, где балочкой, чтоб тебя никто не увидел. Беги себе, да бога милосердного призывай. Христос с тобой!

Батенька сунули Анютке узелок с деньгами, а она выглядела куст, какой погуще, и спряталась. Погодя немного подскочили к батеньке трое верховых; один здоровый, мордастый, в кумачовой рубахе и больших сапогах, и другие два оборванные, ошарпанные, знать, с чугунки. Как батенька сумневались, так и вышло, сударь, действительно. Тот, что в кумачовой рубахе, мужик здоровый, сильный, выделяющее из обыкновенного, лошадь остановил, и все трое принялись за батеньку.

– Стой, такой-сякой! Где деньги?

– Какие такие деньги? Пошел к лешему!

– А те деньги, что барину везешь, за аренду! Давай, такой-сякой, чёрт лысый, а то душу загубим, пропадешь без покаяния!

И начали они над батенькой свою подлость показывать, а батенька вместо того, чтоб просить их, плакать или что, рассердились и начали их отделявать, по всей, значит, строгости.

– Что вы, говорят, окаянные, пристали? Сволочной вы народ, бога в вас нет, нет на вас холеры! Не денег вам надо, а розог, чтоб потом года три спина чесалась. Уходите, болваны, а то обороняться стану! У меня пистолет шестистволка за пазухой есть!

А разбойники от таких слов еще пуще, и стали бить батеньку чем попадя.

Обыскали они всю повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги с него сняли; когда увидели, что от битья батенька только пуще ругаются, стали они его на разные манеры мучить. Анютка тем временем сидела за кустом и, сердечная, всё видела. Когда уж увидела, что батенька лежат на земле и храпят, схватилась она с места и что есть духу побежала где кустиком, где балочкой, назад к дому. Девчонка она была малая, без всякого понятия, дороги не знала и бежала так, куда глаза глядят. До дому было верст девять. Другой бы в один час добежал, а малое дитя, известно, шаг вперед, два в сторону, да и не всякое тебе может босыми ногами по лесным колючкам; тоже надо привычку иметь, а наши девчонки всё, бывало, на печке гомозятся или на дворе, а в лес боялись бегать.

К вечеру Анютка кое-как добежала до жилья, глядит – чья-то изба. А то была изба лесничего, за Сухоруковым, в казенном лесу – купцы тогда арендовали, уголь жгли. Постучалась. Выходит к ней баба, жена лесника. Анютка сейчас, первое дело, в слезы и объяснила ей всё, как есть, всё начистоту, и даже про деньги объяснила. Лесничиха разжалобилась.

– Сердечная ты моя! Ягодка! Это тебя, такую махонькую, бог сохранил! Деточка моя родная! Пойдем в избу, я тебе хоть поесть дам!

Значит, стала подъезжать к Анютке, покормила ее, напоила и даже поплакала с ей вместе и так ее разуважила, что девчонка даже, подумай, узелок ей с деньгами отдала.

– Я, ясочка, спрячу, а завтра, – говорит, – поутру отдам и до дому тебя провожу, касатка.

Взяла баба деньги, а Анютку уложила спать на печке, где о ту пору сушились веники. И на этой самой печке, на вениках, спала дочка лесника, такая же махонькая, как и наша Анютка. И потом Анютка нам рассказывала: дух такой от веников был, медом пахло! Легла Анютка, а спать не может, потихоньку плачет: батеньку жалко и страшно. Только, сударь, проходит час-другой, и видит она, в избу входят те три разбойника, что батеньку мучили. Вот тот, что мордастый в кумачовой рубахе, атаман ихний, подходит к бабе и говорит:

– Ну, жена, только даром душу загубили. Нынче, – говорит, – в обед мы человека убили. Убить-то убили, а денег ни гроша не нашли.

Стало быть, этот-то, в кумачовой рубахе, лесничихин муж выходит.

– Пропал задаром человек, – говорят его товарищи, оборванные, – понапрасну мы грех на душу приняли. Лесничиха поглядела на всех трех и усмехается.

– Чего, дура, смеешься?

– А то смеюсь, что вот я и души не сгубила, и греха на душеньку свою не принимала, а деньги нашла.

– Какие деньги? Что брешешь?

– А вот погляди, как я брешу.

Лесничиха развязала узелок и показала им, окаянная, деньги, потом рассказала всё, как пришла к ей Анютка, как говорила Анютка, и прочее. Душегубы обрадовались, стали делиться промеж себя, чуть не подрались, потом, значит, сели за стол трескать. А Анютка лежит, бедная, слышит все ихние слова и трясется, как жид на сковороде. Что тут делать? И из ихних слов она узнала, что батенька померли и лежат поперек дороги, и мерещится ей, глупенькой, будто бедного батеньку едят волки и собаки, будто лошадь наша ушла далеко в лес и ее тоже волки съели, и будто саму Анютку за то, что денег не уберегла, в острог посадят, бить будут.

А разбойники налопались и послали бабу за водкой. Пять рублей ей дали, чтобы и водки купила и сладкого вина. Пошло у них на чужие деньги и пьянство и песни. Пили, пили, собаки, и опять бабу послали, чтоб, значит, пить без конца краю.

– Будем до утра гулять! – кричат. – Денег у нас теперь много, жалеть нечего! пей, да ума не пропивай!

Этак к полночи, когда все были здорово урезавши, баба побежала за водкой третий раз, а лесник прошелся раза два по избе, а сам шатается.

– А что, – говорит, – братцы, ведь девчонку прибрать надо! Ежели мы ее так оставим, так она на нас будет первая доказчица.

Посудили, порядили и так решили: не быть Анютке живой – зарезать. Известно, зарезать невинного младенца страшно, за такое дело нешто пьяный возьмется или угорелый. Может, с час спорили, кому убивать, друг дружку нанимали, чуть не подрались опять и – никто не согласен; тогда и бросили жребий. Леснику досталось. Выпил он еще полный стакан, крякнул и пошел в сени за топором.

А Анютка девка не промах. Даром что дура, а надумала, скажи на милость, такое, что не всякому и грамотному на ум вскочит. Может, господь над ней сжалился и на это время рассудок ей послал, а может, поумнела от страха, а только на поверку вышло, что она хитрей всех. Встала потихоньку, богу помолилась, взяла тулупчик тот самый, что ее лесничиха укрыла; и, понимаешь, с ней на печке лесникова девочка лежала, одних годочков с ней, – она эту девочку укрыла тулупчиком, а с нее взяла бабью кофту и накинула на себя. Поменялась, значит. Накинула себе на голову и так прошла через избу мимо пьяниц, а те думали, что это лесникова дочка, и даже не взглянули. На ее счастье бабы в избе не было, за водкой пошла, а то бы, пожалуй, не миновать ей топора, потому бабий глаз видючий, как у кобца. У бабы глаз острый.

Вышла Анютка из избы и давай бог ноги куда глаза глядят. Всю ночь по лесу путалась, а утром выбралась на опушку и побежала по дороге. Дал бог, повстречался ей писарь Егор Данилыч, царство небесное. Шел он с удочками рыбу ловить. Рассказала ему Анютка всё дочиста. Он скорей назад – до рыбы ли тут? – в деревню, собрал мужиков и – айда к леснику!

Пришли туда, а душегубы все вповалку, натрескавшись, лежат, где кто упал. С ними и пьяная баба. Обыскали их первым делом, забрали деньги, а когда поглядели на печку, то – с нами крестная сила! Лежит лесникова девочка на вениках, под тулупчиком, а голова вся в крови, топором зарублена. Побудили мужиков и бабу, связали руки назад и повели в волость. Баба воеет, а лесник только мотает головой и просит:

– Опохмелиться бы, братцы! Голова болит.

Потом своим порядком суд был в городе, наказывали по всей строгости законов.

Так вот какая история случилась, сударь, за тем лесом, что за балкой. Уже еле видать его, садится за ним солнышко красное. Разговорился я с вами, а лошади встали, словно и они слушают. Эй вы, милые, хорошие! Бегите веселей, барин, господин хороший, на чай пожалует! Эй вы, голуби!